

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ-2015: ТАКТИКА БЕЗ СТРАТЕГИИ

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ | АВГУСТ 2015

Главный российский кризис — это кризис адекватного восприятия действительности

Первая половина 2015 г. обнаружила ключевое свойство российской власти: выигрывая в политических столкновениях тактически, что как минимум способствует сохранению популярности лидера в народе, она, не имея цели и образа желаемого будущего, проигрывает стратегически. Отсутствие стратегии связано с тем, что практически все действия мотивированы почти исключительно стремлением сохранить нынешние элиты у власти и законсервировать сегодняшнюю модель власти — авторитарной, имитирующей демократические процедуры, стимулирующей пропагандистскими методами агрессивные националистические настроения.

Дефицит стратегического мышления связан с тем, что высокие цены на нефть и восстановительный рост начала 2000-х годов расслабили правящие элиты, отучили их думать о будущем. Произошел отказ от реформ в секторах, связанных с человеческим капиталом, в частности в здравоохранении, образовании, социальной и пенсионной сферах. А текущая ситуация оценивается властями и вслед за ними гражданами как более или менее нормальная (такое восприятие кризиса позволило экспертам в области социальной политики обозначить его как «некризисный кризис»¹). Кризис — что вытекает из многочисленных высказываний президента России и высших государственных чиновников — квалифицируется как неглубокий и короткий.

Нынешнее состояние дел воспринимается как своего рода пик развития капитализма, счастливый конец истории по-русски.

Соответственно никто наверху российской власти не видит необходимости в уступках оппозиционным политическим силам, Западу и реформаторскому лобби внутри управленческих и финансовых элит.

Снижение уровня жизни, падение ВВП и рубля, высокая инфляция не оцениваются как масштабные проблемы. Любая критика принимается в штыки, плохие прогнозы считаются едва ли не подрывными действиями. Власть видит в сложившейся ситуации «новую нормальность». Вероятно, любое ухудшение показателей тоже будет преподноситься как *new normal* — в рамках аутотренинга для себя и пропагандистского обмана для публики. А сама публика выбирает, по выражению главы Левада-Центра Льва Гудкова, «стратегию на снижающую адаптацию» (из беседы автора с Л. Д. Гудковым), на понижение нормы.

Это серьезный кризис. И прежде всего кризис адекватного восприятия действительности. Если все нормально — *perception is reality* — значит, ничего делать не надо.

В этом контексте разговоры о структурных реформах ведутся либо для самооправдания (глава администрации президента Сергей Иванов заявил, что от структурных реформ российское руководство отвлекает НАТО), либо для зондажа политической ситуации, как это сделал бывший министр финансов и ныне глава Комитета гражданских инициатив Алексей Кудрин, когда

ОБ АВТОРЕ

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и Газета.Ру, член правления Фонда Егора Гайдара.

предложил наряду с досрочными парламентскими выборами провести выборы президентские — с целью получения главой государства мандата на преобразования.

Реакция политического класса оказалась мгновенной, истерической и пугливой. Явно многие думали, что такой зондаж мог быть инициирован самим Владимиром Путиным, который поддерживает ровные отношения со своим критиком и бывшим коллегой. Тем не менее главные политические и номенклатурные игроки поспешили засвидетельствовать верность президенту, раскритиковав идею досрочных выборов главы государства. В этом смысле они повели себя политически грамотно: именно таким образом — вопросами о том, не пора ли уйти и т. д., — прощупывали лояльность элит почти все советские лидеры от Сталина до Брежнева, и всякий раз осторожные представители высших номенклатурных кругов подчеркивали свои верноподданнические чувства по отношению к действующему руководителю.

Никто не хочет никаких реформ — в том числе политических, от которых на самом деле зависит собственно реализуемость экономических преобразований. Ровно такой месседж послал политический класс в ответ на «провокацию» Кудрина. И в этом смысле попал в тренд — ровно таковы настроения населения и самого главы персоналистского режима, сформированного в России.

Элиты очень чувствительны к такого рода «провокациям». И на требования либерализации режима отвечают еще более абсурдными и жесткими предложениями по его архаизации и авторитаризации. Например, к понятию «иностранный агент» добавляется категория «нежелательная организация», а каждый депутат или сенатор стремится выступить как можно более жестко по отношению к Западу — разумеется, для внутреннего употребления, для внутренней целевой аудитории. А в еще больше степени для того, чтобы продемонстрировать лояльность высшему руководству.

Российская элита деградировала до состояния элит сталинского периода. Она несет ответственность за формулирование новой архаичной идеологической матрицы и за манипулирование мозгами россиян. А на выходе — за неспособность современной России к развитию, к тому, чтобы принять интеллектуальные, моральные, технологические вызовы XXI в.

ПАРТИЯ ВСТАВАНИЯ С КОЛЕН

Причина почти 90%-ной поддержки Путина — в парадоксальном понимании восстановления как бы попруженного Западом достоинства россиян. Здесь мы должны немного поговорить о смысле понятия «достоинство».

Как писал израильский исследователь этого вопроса Авишай Маргалит в книге «The Decent Society» (что можно перевести в том числе и как «Достойное общество»), «цивилизованное общество — это такое общество, в котором его члены не унижают друг друга, в то время как достойное общество — это общество, где институты не унижают людей»². Унижая, власть не считает людей людьми, относясь к ним как к вещам или как к животным. Или как к детям, которые еще не отвечают за себя. Пример такого отношения государственных институтов хорошо различим в утверждениях политических манипуляторов: «Российский народ не созрел до демократии».

В этом контексте униженный человек в прямом и переносном смысле «стоит на коленях». А процесс восстановления достоинства равен процессу «вставания с колен» — этой специфически российской метафоре обретения достоинства.

Какое главное достижение числится за многолетним президентом России? Согласно социологическим исследованиям оно называется «восстановление статуса великой державы»³. После распада СССР постсоветский российский человек был унижен «поражением» в холодной войне. Отныне он «встал с колен» — однако исключительно по отношению к Западу. Унижение ликвидировано методом построения осажденной крепости в расширенных за счет Крыма границах и почти полным разрывом отношений с евро-атлантической цивилизацией.

«Восстановление статуса великой державы» в этом контексте и есть восстановление достоинства. Это и компенсация за то, что внутри страны никакого восстановления достоинства не происходит — постсоветский россиянин так же незащищен перед большими и малыми начальниками, коммунальными службами, инспекциями, судом, полицейским, военкоматом, каким-нибудь казачьим патрулем и пр. При этом постсоветский россиянин удовлетворен или делает вид, что удовлетворен ощущением причастности к чему-то большому и великому, к толпе, разделяющей гордость за себя и своего лидера. За то, что мы не такие, как все. А остальное можно и перетерпеть, включая кризис.

Это сложная конструкция, не сводящаяся просто к формуле «Крым в обмен на свободу». «Крым» становится псевдонимом осажденной крепости, поднимающей на щит бывшие заслуги — финскую кампанию 1939 г., пакт Молотова-Риббентропа, вторжение в Прагу в 1968-м. Хотя даже предыдущие поколения (советские поколения, что характерно) основы достоинства искали в истории попыток расширения степеней свободы. Например, в восстании декабристов или отмене крепостного права.

Лейбл «Крым» и стал синонимом обмана — как бы восставленного как бы достоинства. На этом, собственно, и держится феномен «восемьдесят процентов» (теперь уже почти девяносто).

Есть еще одно очень простое объяснение того, почему по мере ухудшения экономической ситуации не наблюдается рост открытого недовольства населения, а, напротив, показатели поддержки Владимира Путина растут и достигают 89% (согласно июньскому опросу Левада-Центра). В кризис патерналистски настроенные граждане, особенно из числа тех, кто не в состоянии прокормить сам себя, ждут помощи именно от государства. И не станут же они выступать против инстанции, которая их кормит и которая персонафицируется брендом «Путин».

Кроме того, люди идентифицируют себя с государством, подавление прав человека воспринимают как избавление от не характерных для российского общества практик, а произвол принимают как легитимное право власти, парадоксальным образом защищающее большинство от «подрывного» меньшинства.

Хосе Ортега-и-Гассет, исследовавший массовую психологию, не раз отмечал, что «масса — это средний человек»⁴, что «...решающей силой в истории любого народа является средний человек. От того, каков он, зависит здоровье нации»⁵. Но еще раз подчеркнем: как минимум равную ответственность за деградацию общественной ткани несут элиты, потому что именно они артикулируют отказ страны от модернизационных ценностей и навязывают его массам средствами пропаганды.

ОБЩЕСТВО СГОРЕВШИХ ПРЕДОХРАНИТЕЛЕЙ

Еще одно новое свойство массового сознания: после того, как началась война на Украине, в представлении россиян оборонительная и справедливая, разрешенным оказалось то, что раньше было запрещено. Границы допустимого расширились — началось оправдание войны, обеление темных страниц собственной истории, нормой стал язык вражды.

«Консолидация» нации обернулась ее расколом, фактическим разделением граждан на лояльных и нелояльных, патриотов и непатриотов, придерживающихся правил нового нормативного поведения и их не придерживающихся.

Прескрипции, формулирование нормы — свойство даже не авторитарных, а тоталитарных систем. Никто пока не сформулировал «Моральный кодекс строителя коммунизма», как это было в советские времена, но некое ощущение правильного и неправильного поведения присутствует: попробуй откажись

от бесплатного получения георгиевской ленточки — такое поведение сочтут едва ли не аморальным, но как минимум ненормативным.

Еще несколько лет назад о потерях во время военных операций твердило бы все общество. Сегодня нормативное поведение — молчать об этих потерях, потому что так надо государству. Поведенческая модель подкрепляется и нормативным актом, так называемым указом президента о «секретных потерях», который, по мнению правозащитников, противоречит Конституции и закону о государственной тайне: расширен список секретных сведений — он пополнен данными о потерях российских военнослужащих в военное время и в спецоперациях в мирное время.

Морально одобряемым поведением становится и сотрудничество граждан со спецслужбами, что подкрепляется законодательными новациями. Например, сотрудничество с «органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность», теперь будет засчитываться в трудовой стаж⁶.

Возник своего рода неписаный кодекс нормативного одобряемого поведения, в который входят и молчание по поводу государственных секретов (потому что идет война), и ношение георгиевских ленточек, и отдых в Крыму, и доброе отношение к китайцам и Китаю, и некритическое отношение к истории страны, и нарочитая православная набожность.

Но при этом в отношении людей к Другим, к иному миру, иным странам, к собственной «пятой колонне» словно сгорели предохранители. Допустимы язык вражды, чрезмерная степень агрессивности, особенно на телевидении и в социальных сетях, нетерпимость к меньшинствам, Западу, «либералам». Эта атмосфера агрессии стала одной из причин убийства Бориса Немцова. И против ожиданий сам факт его гибели не ужаснул и не встряхнул общество. Напротив, была отодвинута еще одна граница дозволенного: в обиход, в «оборот» вошло еще и убийство. Как сказал в частной беседе один из представителей элиты: «Если в сегодняшней России вы хотите стать настоящим политиком, то вы должны быть готовы к трем угрозам: к тому, что вас могут посадить в тюрьму; к тому, что в тюрьму могут посадить ваших близких; наконец, к тому, что вас могут убить».

Война стала почти одобряемой, потому что она «справедливая» — оборонительная. Отсюда и ощущение осажденной крепости, на которую наступают внешние враги, в которую проникают «иностранные агенты» и «нежелательные организации», в ней «пятая колонна» и «национал-предатели» изнутри разрушают «духовные скрепы» крепости. Это все

термины из обычного словесного обихода, политическую моду на который устанавливает сам глава государства, и из нового репрессивного законодательства времен первого постмедведевского срока Путина. В военной логике «так не достанься ж никому» принимается решение о сжигании санкционных продуктов.

Само возвращение в политический дискурс темы возможности ядерной войны — это из той же области «сгоревших предохранителей». В результате ситуация хуже, чем во времена холодной войны и ядерного баланса сверхдержав, подчинявшегося строгому своду правил и взаимному пониманию того, что победителей в глобальном ядерном конфликте не будет. Сейчас, по крайней мере если судить по политической риторике и разрушающейся системе нераспространения ядерного оружия, любые сдерживающие факторы становятся все менее эффективными⁷.

Отсутствие таких, если угодно, антропологических, социокультурных предохранителей приводит к примитивизации политического мышления как элит, так и рядовых граждан. Заканчивается всё тем, что на каком-нибудь Дне молодежи проводят конкурс «Пни Обаму»: «С каждым пинком Русь святая с колен поднимается!»⁸.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОШЛЫМ

Режим черпает легитимность в прошлом. Отсюда апелляции к прошлому, в основном к тем страницам истории, которые связаны с именем Сталина. Сам глава государства оправдывал и финскую кампанию 1939 г., и пакт Молотова-Риббентропа, и афганскую авантюру. Но режим еще и пытается «управлять» прошлым — Генпрокуратура занялась несколько комически выглядящим ретроанализом нормативных актов и правовых решений, по которым Крым был передан из состава РСФСР под юрисдикцию Украинской ССР и республики Балтии при распаде СССР обрели независимость (почему бы тогда не оценить юридическую чистоту объявления независимости самой Россией?).

Характерный кейс из области управления прошлым — оценка вторжения войск Варшавского договора в Прагу в августе 1968 г. В мае на телеканале «Россия» был продемонстрирован документальный фильм «Варшавский договор. Рассекреченные страницы», оправдывавший вторжение в 1968 г. войск Варшавского договора в Чехословакию. Это спровоцировало вызов посла России в чешский МИД для объяснений.

Фильм оправдывал вторжение кознями НАТО и бундесвера и подготовкой вооруженного переворота при поддержке

Запада. Кино должно было вызывать аллюзии с киевским «майданом» — вроде как сценарий революции тот же, что и в 1968 г. Не зря сурово-ироничный закадровый голос с грустной горечью и праведным гневом полоскал понятие «Пражская весна».

Очевидным образом фильм был рассчитан не на внешнюю аудиторию, а на внутреннюю: та же Чехословакия — лишь повод для того, чтобы перебросить мостик от времен почти полувековой давности в сегодняшний день. Постсоветскому человеку, вроде бы уже почти четверть века не живущему при социализме, разъяснили, что войска были введены для спасения социалистических завоеваний. Ну а кроме того, из Швабии (!) к границам Чехословакии были переброшены войска НАТО. Более 300 тыс. немцев побывало в Чехословацкой Республике. Ну и, наконец, обнаружены были склады оружия, а «Клуб 231» готовил реваншистский «майдан».

Из анализа ситуации, из истории пропагандистами был исключен такой субъект, как народ. В данном случае народ Чехословакии, который хотел другой жизни.

История национализирована и монополизирована. Ее официальная версия остается важнейшим инструментом манипулирования сознанием и управления политической и экономической стагнацией.

ВЫБОРЫ: ПУСТАЯ ОБОЛОЧКА. ПРАВО: ИЗОЛЯЦИЯ ОТ МИРА

Сюжет с переносом парламентских выборов 2016 г. с декабря на сентябрь стал отражением бессмысленности политического процесса в России и какой-то внутренней истерики элит, сконцентрированной лишь на все той же цели сохранения себя во власти. Разумеется, никакая реализация «конституционно значимых целей», легитимность которой стремительно была подтверждена Конституционным судом, досрочными выборами не достигается. И, конечно же, бюджетный процесс не улучшится только благодаря тому, что новую Думу изберут на несколько месяцев раньше.

Пожалуй, никогда еще в политической истории постсоветской России обоснование действий власти не выглядело столь беспомощно и искусственно. И никогда простые граждане не уделяли столь мало внимания маневрам властей. Степень поддержки власти столь же велика, сколь и политическая апатия. На фоне апатичной поддержки высшее руководство может придумывать любые политические ходы — они будут восприняты как простая перемена погоды.

Тем не менее выборы переносятся. Цель — максимально облегчить их контролируемое проведение за счет того, что, как счита-

ется, народ еще не слишком успеет отойти от летнего отпускного сезона, будет не столь озабочен и утомлен, как в декабре, проявит дружественное равнодушие по отношению к парламентской власти. Проблема только в том, что если затяжная рецессия или очередная волна кризиса обусловят обострение социальных проблем населения, движение даты выборов туда-сюда вряд ли даст сколько-нибудь значимый эффект. К тому же это самое критическое обострение может случиться гораздо раньше или, наоборот, позже сентября или декабря 2016 г. Однако наверху боятся, нервничают, пытаются управлять ситуацией в режиме контроля за малейшим движением мыслей и рук избирателей. А свой контроль облачают в квазиправовые формы.

Проявлений деградации представлений о праве и правовой культуры элит было за последнее время много. Безусловно симптоматичными стали закон о нежелательных организациях, инициированные Думой поправки к закону о полиции, уже упомянутые выше попытки Генеральной прокуратуры поуправлять прошлым и решение об избирательном исполнении вердиктов Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

Правовое или, точнее, квазиправовое обоснование можно придумать для чего угодно и как угодно — это дело юридической техники. Другой вопрос, что в таком случае наступает ситуация, которую можно описать формулой «законы против права» — у законодательных актов государства может быть квази- или антиправовая природа, как, например, у политических статей уголовных кодексов советских республик времен сталинского СССР.

Закон о нежелательных в России иностранных и международных организациях в еще большей степени сужает возможность легального функционирования любых структур с иностранным участием и иностранного происхождения, коммерческих и некоммерческих. Причем исключительно по усмотрению руководства Генпрокуратуры. Это «удачное» дополнение к закону об «иностранцах», способствующее формированию еще более агрессивной среды по отношению ко всему иностранному, создающее атмосферу подозрительности в обществе.

Поправки к закону о полиции расширяют не столько ее полномочия, сколько возможности для полицейских, например, применять оружие и проводить досмотр. Это еще один шаг к полицейскому государству, ориентированный в том числе и на то, чтобы удобнее было «регулировать» акции протеста.

Ну и, конечно, прямо противоречит представлениям об иерархии законов, которые известны любому первокурснику юридического вуза, фактическое признание ограниченного действия

решений ЕСПЧ на территории России. Пока это сделано на чиновничье-доктринальном уровне. Но нет никаких сомнений, что в нужных ситуациях будут найдены квазизаконные основания для неисполнения неудобных для властей России решений Страсбургского суда. Такое отношение к ЕСПЧ означает еще и движение в сторону правового изоляционизма.

РУССКАЯ ЛЕНТА МЁБИУСА

Как управляется современная Россия, хорошо объяснено в классической работе «Дорога к рабству» Фридриха фон Хайека: «...искусный демагог всегда будет стремиться сплотить своих сторонников в единую и спаянную группу... людям свойственно... быстрее и легче сходить на негативной программе, на ненависти к врагам, на зависти к тем, кому лучше живется, чем на какой бы то ни было положительной, конструктивной задаче. Необходимым элементом любого учения, любой веры, способной прочно сплотить людей для совместных действий, является контраст между “нами” и “ими”, общая борьба против чужаков. Этим всегда пользуются те, кому нужна не просто поддержка той или иной политики, а безоговорочная преданность широких масс»⁹.

Можно назвать происходящее движением к катастрофе. С той же степенью достоверности можно прогнозировать провал в длительную стагнацию — политики, экономики, настроений, интеллектуальной среды. Это движение по русской ленте Мёбиуса — долгие десятилетия страна не может «соскочить» с монотонной колесницы догоняющего развития.

Всякий раз, как это бывало и в советские времена, правители отождествляют себя с государством, а государство — со страной. В результате получается редукция государства к частной группе, ближнему кругу первого лица и *creme de la creme* финансово-политических элит. Проблема в том, что в этой модели правящая группа «съедает» на сохранение себя и своей власти *общие* ресурсы. Этого решительно не замечают рядовые граждане, поддерживающие лидера. О причинах мы говорили выше.

Сверхзадача — сохранение себя у власти — искажает и бюджетные приоритеты и структуру экономики. В ней все меньше конкуренции, все большую роль играют государство и госкорпорации, а *общие* ресурсы, выраженные на этот раз в форме государственного бюджета, расходуются на оборону, безопасность, администрацию и пропаганду (см. недавнее решение о выделении Первому каналу и ВГТРК дополнительных 7 млрд руб.).

Решение сверхзадачи самосохранения лидера и элит не предполагает каких-либо попыток модернизации сверху, либерализа-

ции экономики и демократизации общества. Это одноканальное движение, которое неизбежным образом продлится и до парламентских выборов 2016 г., и до президентских выборов 2018 г. И скорее всего переползет в следующий политический цикл. Что при отсутствии у власти образа желаемого будущего и стратегии может создать ей на этом временном рубеже серьезные проблемы.

Пока же действует социальный контракт «Крым и духовные скрепы вместо свободы», который демпфирует (до поры) риски ухудшающегося социально-экономического положения России. В какой-то момент властям придется предложить «публике» что-то вместо отстрелянного патрона — Крыма. Совершенно точно, это не будет экономическое чудо. Вести войну, тем более горячую, с Западом страна не может ввиду очевидных ресурсных ограничений. Возможны некоторые символические действия, например в стиле «Арктика — наша». Но и это анестезия ограниченного действия. Российское руководство постепенно заходит на новый виток движения по ленте Мёбиуса, а значит, в стратегический тупик.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 <http://www.ranepa.ru/news/item/7052-bulletin.html>.
- 2 *Margalit A.* The Decent Society. — [S. l.]: Harvard Univ. Press, 1998. — P. 1.
- 3 <http://www.levada.ru/24-03-2015/bolshinstvo-grazhdan-schitayut-rossiyu-velikoi-derzhavoi>.
- 4 *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. — М., 1991. — С. 309.
- 5 Там же. — С. 425.
- 6 <http://www.rg.ru/2015/07/03/pensiya-dok.html>.

- 7 <http://carnegie.ru/2015/06/16/unnoticed-crisis-end-of-history-for-nuclear-arms-control/ians>.
- 8 <http://www.newsru.com/russia/02jul2015/pni.html>.
- 9 *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству // Новый мир. — 1991. — № 8. — С. 190.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир Московский Центр Карнеги начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Основанный в 1910 г. Фонд Карнеги является ведущей негосударственной экспертно-аналитической организацией, специализирующейся на международных отношениях. Это первая действительно глобальная научно-исследовательская организация, имеющая офисы в Вашингтоне, Москве, Пекине, Бейруте и Брюсселе.

© 2015 *Carnegie Endowment for International Peace*. Все права защищены.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступает с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

@CarnegieRu

facebook.com/CarnegieMoscowRu